

У

чились тогда Витька и Юрка в разных пятых классах в мужской средней школе № 10 у реки. Рядом была Чижовка — самый уголовный район в городе В. Даже ветхие бабуси знали, что ребята там — одна шпана. В школе и познакомился Витька с Юркой. Витькина семья переехала в В. из маленького районного городка. После войны там не нашлось работы для матери, она была библиотекарем. А здесь, в областном, пусть даже сильно разрушенном городе повсюду висели объявления: «Требуются... Требуются...» И хотя библиотекари, судя по ним, не особо требовались, она вскоре устроилась в библиотеку Дома учителя.

Они втроем — мать, бабушка и Витька — вначале жили в бараке у родственников, а затем смогли снять полуподвальную комнатку в старом доме возле элеватора. Собственно, элеватором его называли по привычке. Это была огромная гора железобетонных развалин, с редкими зияющими дырами в голой ржавой арматуре. У горы был такой слежавшийся, как после усушки и утряски, плотный вид, словно ее после бомбежки еще несколько раз хорошенько встряхнули да так и оставили. На ней кое-где уже лопушки росли.

Сразу за развалинами по широкой пыльной улице ходили красные деревян-

ные трамваи — даже и до трех вагонов в связке, — такие необыкновенно яркие и красивые среди серого послевоенного города. Из-за трамваев Витька и согласился переехать в этот город. Жалко было, конечно, расставаться и с приятелями, и главное, с чудесной прозрачной речкой Битюг, щедро украшенной желтыми и белыми кувшинками. Почему тогда ему так нравились трамваи — никогда их раньше воочию не видел, — до сих пор не знает. Да и теперь он подчас не может смотреть на них без того детского волнения. Нахлынет вдруг что-то прежнее, странно-приятное, и пропадет.

Его новый друг Юрка тоже жил в полуподвале с мамой, но не с одной бабушкой, а с двумя. И у Витьки, и у Юрки отцы несколько лет назад ушли на фронт и там и остались. Неизвестно где похоронены. Так что они с Юркой дружили не домами, а подвалами. Дети подземелья, как говорится.

Познакомились они на большой перемене в школе. Витька только поступил туда и учился в другом классе. Не знал он никого и сиротливо стоял у стены широченного коридора, глядя на беснующихся ребят. И внезапно сквозь всю толпу визжащих, кривляющихся и прыгающих «бабуинов» увидал высокого спокойного мальчика с кудрявой, как у Пушкина, головой. Они внезапно встретились взглядами, тот неотрывно смотрел на него, и Витька как зачарованный двинулся к нему через всю толчею. Кудрявый мальчик по-прежнему внимательно и, пожалуй, удивленно глядел на новичка.

Витька, наконец, приблизился и, не зная, что сказать, спросил в упор: — Ты читал «Человека-амфибию»?

Юрка потом признался ему, что чуть не брякнулся от изумления. — Чего-чего? — оторопел он.

В этой толпе пяти-шестиклассников на их этаже — он с первого класса учился в этой школе и знал всех — никто никогда ничего не читал, кроме учебников, да и то иногда. К тому же он вырос вблизи хулиганистой Чижовки и высокомерно считал всех пацанов-сверстников недоумками. Он-то сразу выделил Витьку из толпы, его поразил «слишком умный взгляд» новичка, отчего тот немедленно возгордился. Ведь он, наоборот, зачастую считал себя своего рода изгоем, не таким, как все. Он не любил шумных игр, ни воровства, ни драк, ни лжи. Хотя нередко и приходилось врать: куда тут денешься?.. Он любил только интересные книги, добрых друзей-приятелей, если находились, и рыбалку. Любопытно, что Юрку он так и не сумел пристрастить к рыбной ловле. Сходил он с ним разок-другой, поймал тот несколько ершей в местной быстрой речке, но все равно не увлекся. Другие пацаны, что с Чижовки, тоже не любили ловлю на удочку. У них в ходу больше были всевозможные сетки и даже тол, выплавляемый из неразорвавшихся снарядов.

А кстати, чего только Витька не слышал о происхождении и даже о написании слова «пацан». Юрка считал, что следует писать: «подцан».

— Конечно, — сразу согласился Витька, — подцан — это вроде как подлещик. Еще не лещ.

Ну, а что такое оставшийся «цан», для них не имело значения, раз они точно не знают.

Потом их просветит на этот счет загадочный Никифор, который жил, а может, прятался в развалинах элеватора.

— Не люблю этого слова. Оно от еврейского «поц», что означает ... — выругался он. — А «пацан», «пацаненок» значит «маленький» ... — Он

снова выругался. Затем вроде бы смутился, вспомнив, что перед ним, так сказать, дети, и глупо разъяснил: — Мужской половой орган. Мальчиковый, — уточнил он.

Они захотели. И так весело было хохотать им тогда втроем в его бетонном убежище на элеваторе, с портретом Сталина, вырезанном из «Огонька», на стене.

Дружба Витьки с Юркой была ровной и нерушимой. Витька познакомил его со своей мамой-библиотекарем, и он также получил доступ в заветные книжные закрома. Конечно, она не давала им книг Мопассана, о которых они были столько наслышаны. Но им вполне хватало и Жюль Верна, и Александра Дюма-отца, и Вальтера Скотта, и Джека Лондона... Странно, что наших, советских писателей они почти не читали, разве что лишь Владимира Беляева и Ивана Ефремова. Да чего тут странного! Они считали наших авторов скучными. Им нравились смелые, благородные герои: мушкетеры, путешественники, золотоискатели, отважные рыцари...

Нет, не просто так, не случайно они познакомились. Свой сыюка видит издалека. Они были, как сказали бы сейчас, книжными фанами. Они читали книги днем и ночью. Книги успешно заменяли им жизнь, все на свете, даже футбол. И вообще друзья втайне презирали футбол, но об этом, понятно, помалкивали. Их вскоре стали узнавать в лицо все продавщицы книжных магазинов города. Мать иногда упрекала Витьку, который все деньги, что ему давали на школьные завтраки, тратил на книги. Мол, тебе что, всей моей библиотеки мало?! А Юрку охотно финансировали обе бабушки, они в нем души не чаяли. И когда им приносили пенсию, он всегда случайно оказывался дома.

Друзья были как бы защищены от реальной жизни — книжной. Все вокруг — это что-то ненастоящее, нудное, скучное. Но вот пройдет какое-то время, и будет другая, особенная, интересная жизнь, почти как в книгах Майн Рида. С отважными поступками, предательством, коварством врагов и лихими погонями. Нет, не новая настоящая война, упаси Бог! А что-нибудь мушкетерское по духу.

Странно, все на свете невероятным образом связано между собой. Они бы не познакомились с Никифором, если бы, не начитавшись о всяких приключениях, не стали искать себе тайное пристанище, каменную пещеру, что ли, секретный штаб. Благо пустых развалин с подземельями в городе хватало. Во время войны наши войска занимали левобережную часть города, а немецкие — правобережную, и молотили друг по другу так, что свету белого не было видно, как говорили уцелевшие старожилы. Вообще город напоминал Сталинград по кинохронике.

Друзья облазили многие развалины в городе и, не найдя ничего подходящего, даже попытались было выкопать землянку в рощице на другой стороне реки за их школой. А не везло им потому, что подвалы в развалинах либо слишком захламлены, либо легко доступны посторонним. А землянка — они быстро поняли — не годилась для тайного убежища. Ее легко бы нашли, да и весной река разливалась, что твое море.

И все-таки они разыскали себе пещеру. И как ни странно, рядом с Витькиным домом, на том самом бывшем элеваторе. Недаром увлекательный американский писатель Эдгар По писал о том, что прятать что-то лучше всего на самом видном месте. На верхотуре развалин элеватора они неожиданно обнаружили квадратное глухое помещение, шагов семь на восемь. Окна, правда, не было. Но был проем, лаз, сквозь него свет и попадал в их штаб, только углы недоверчиво прятались в сумраке. А вече-

ром для освещения и обычная свечка годилась. Батарейки в фонариках они берегли. Вот если б достать где-нибудь трофейный немецкий фонарь с динамо в корпусе! Зажми его в ладони и нажимай себе на т-образную рукоятку — вечная батарейка.

Замечательный штаб получился. На пол бросили пару драных телогреек — сиди, отдыхай. А для дворовых удобств был весь элеватор с его закоулками. Сейчас-то, когда много лет прошло, седой Виктор Иванович понимает, что не только книжная романтика руководила ими в поисках тайного убежища. Многие ребята, не читавшие книг ни при какой погоде, тоже устраивали себе там и сям секретные местечки. Ну, с ворами-то ясно, зачем им это. А другие пацаны, если вдуматься, просто искали свободное пространство с крышей над головой. Тому же Витьке в их комнатухе, с мамой и бабушкой, приходилось делать уроки на подоконнике под мельканье и шарканье ног за полуподвальным окном.

Витька и Юрка назвали свое бетонное убежище Гранитным дворцом в честь огромной пещеры отважных колонистов из романа Жюль Верна «Таинственный остров». Вот только ручей, как было там у них, здесь не протекал. Но зато неподалеку, за входом, торчал из стены кран, из него постоянно быстрыми каплями сочилась вода. И как она сюда проникала?

— Фокусы бомбежки, — сказал Юрка.

— Не, фокусы водопровода, — возразил Витька.

Хорошо было им тут по вечерам болтать и мечтать, можно сказать, при свечах. Особенно когда шел дождь и развалины будто позванивали, дышали и чмокали.

Но однажды их дружба чуть не развалилась из-за того, что Витька решил похитить Юркину собаку. И даже не личную собаку, а так, приблудившуюся к его двору. Однако Юрка упорно считал ее своей, хотя та жила не в доме, а на улице. Но поскольку других ребят во дворе не было, он на словах присвоил себе эту тощую дворнягу и назвал ее, кажется, Жюлькой.

Витька любил собак и очень жалел их, бездомных. А тут вдруг выпал случай пристроить эту беднягу в просторный сытый дом к сыну директора хлебозавода.

...Никифор, который вскоре появится в их убежище на элеваторе, скажет им презрительно о том директоре:

— Хмырь из хмырей, знаю. Муку тырит!

И ребята невольно почувствуют: он не врет. Очернять, понятно, всякий может, меньше ошибешься. Но Никифор не только осуждал, но и хвалил кого-то по делу, а не попусту. Так он сказал об одном, им известном, контуженном нищем, вечно сидевшем возле склада стройматериалов:

— Пусть его потрянуло взрывом, зато побирок он тихий и добрый. Как сказано в Книге книг: «Кроткие наследуют Землю». Всю Землю, весь земной шар!

— Что за Книга книг? — сразу вцепятся ребята, помешанные на книгах.

— Библия.

Но Библии в маминной библиотеке Витька не найдет. Там ее не было. Да еще и раньше мама строго говорила:

— От религии держитесь подальше.

— А о чем Библия? — спросили они у Никифора.

— Обо всем, — не сразу ответил он. — О жизни и учении Бога.

Друзья переглянулись. Хотели ему твердо сказать, что Бога нет, но постеснялись быть невежливыми. По правде говоря, атеизм — наверно, единственное, что щедро дала им школа. И не только им — всем. А читать их научили дома, еще до школы, пусть и по складам. Чтение — дело наживное.

— Вы говорите: кроткие Землю наследуют? — с вызовом повторил Юрка.

— Так сказано, — улыбнулся Никифор. — И не нами.

— Но ведь кроткие — трусы, — догадался Витька, куда Юрка гнет.

— Но не злые.

— Не злые, — признали и они.

— Значит, добрые? — настаивал он.

— Добрые, но не смелые, — они наступают.

— Э-э, чтобы добрым быть, столько смелости нужно! — говорил Никифор так, словно только сейчас до этого додумался.

— Если бы мы были кроткими, нас бы немцы победили, — выдвинул Витька самый сильный довод.

— Нас, кротких, довели до того, что мы победили, — вспыхнул Никифор. — И какой ценой!

Неизвестно почему, но ребята чувствовали себя при таких разговорах с ним неуютно, как бывает, когда ты не прав. Какая-то предвестная тревога, при которой одно слово решает все, как перед началом драки.

Он скажет еще что-то не совсем понятное. Будто самому себе, кажется, так:

— Да при чем тут война?.. Даже лучшие люди отравлены тем, чем дышат.

— Как это? Чем? — наморщили они свои начитанные лбы.

Он ответил заученно и безошибочно, как все взрослые:

— Вырастете, поймете.

Нет, немного по-другому:

— Вырастете, вспомните себя и поймете.

Теперь Виктор Иванович давно вырос и по своему, уже взрослому мнению, понял. Даже лучшие были отравлены — злом. Особенно если вспомнить, что он и Юрка, вроде бы добрые дети того времени, сделают с Никифором.

...Так вот о Юркиной собаке, которую Витька похитил. Не украл же. Любопытно, что бездомных собак тогда в городе и не было видать. То ли в войну погибли, то ли всех съели, как мрачно шутил Юрка. А может, и не шутил. Во всяком случае, в Витькином райгородке собак не ели. Садовые участки спасали от голода.

Домашние же псы в областном городе были, они сидели на цепях во дворах частных, грубо сложенных из бесхозных кирпичей домов, домишек и просто халуп, смахивающих на сараи. В то время разрешалось разбирать развалины на кирпичи для индивидуального строительства. И при каждом возникшем доме неизменно появлялись грядки и ягодные кусты. Поэтому никак нельзя было обойтись без злых собак послевоенным новоселам.

Но тому пацану, сыну директора, собака нужна была не для охраны. Ему, видишь ли, отец разрешил завести ее в доме. А у Витьки, кроме вроде бы Юркиной, ни одной знакомой собаки в городе нет. Он и подумал: «Пусть поживет она в тепле и сытости». Что-что, а еду все ребята очень уважали. Есть им хотелось всегда и везде. Хотя хлеб был по карточкам,

но явного голода не было. Скоро всем дадут огороды под картошку за городом, а селедки, хамсы и кильки на шумном базаре и без того завались — целые ряды коричневых скользких бочек. Была еще и соленая вобла, тоже в бочках с рассолом, плоская, слежавшаяся, во вмятинах. Но вку-усная!

Дом у того директора был важнецкий: большой, щитовой, финский, с застекленной верандой и крылечком. Дескать, на веранде и будет себе припеваючи жить собачка. А зимой ее, конечно, допустят и в комнаты.

Все это и напел Витьке тот знакомый мальчишка, мечтавший о собаке. Ну, они и сговорились рано утром — дело было летом — отправиться в Юркин двор, захомутать собаку и отвести ее на новое местожительство. Собака его, Витьку, знает, подпустит, а там уж только веревку привязать, и побегит за ними, как миленькая.

Господи, он совершенно не воспринимал свой поступок как предательство по отношению к другу. Он искренне считал: Юрка лишь треплется о том, что собака его собственная. Честное слово, Витька заботился только о ней, помня о злоключениях джек-лондоновских псов Майкла и его брата Джерри, не говоря уж о Белом Клыкe. Но это сейчас он вроде бы кается, а тогда все было проще: надо было пристроить бездомную собаку и заодно угодить случайному приятелю. О Юрке он как бы и не думал. Витька в то время полагал, что важнее главное, а не побочное. В общем, цель оправдывает средства.

Они, ребята, не были такими уж правильными советскими мальчишками, как могут подумать после того, что произойдет вскоре с Никифоровым. Наоборот, их примером в жизни были не Павка Корчагин, но Айвенго, не дядя Степа, а капитан Немо. Настоящая жизнь простиралась лишь в книгах — от морей до океанов, от пампасов до саванн, от каньонов до горных хребтов, а реальная — от дома до школы и обратно. И эту докучливую жизнь нужно было просто терпеть. Но из всего, что нудно и серо жило вокруг, в них по-настоящему вошла только война, ее железное время, с привкусом ржавчины на зубах, и неподдельная доброта всех этих невыдуманных соседских тетей Галь, тетей Лен, и мужество одноногих дядей Миш и безруких дядей Вань, которые спасали страну с великим лозунгом: «За Родину! За Сталина!» С этим чувством и пойдут Витька и Юрка в милицию. С тем же чувством, как они благородно считали, и погибли на фронте их отцы. И все-таки...

Но вернемся к тайной операции с собакой, кажется, Жулькой. Как помнится теперь Виктору Ивановичу, пошел он, Витька, тогда с приятелем, сыном директора, ранним летним утром. Все получилось успешно, собака мирно почивала в Юркином дворе на какой-то дерюге. Витька, сюсюкая, подошел; она узнала его и принялась выбивать пыль хвостом из своего коврика. Обвязал он осторожно веревку вокруг ее шеи и повел за собой. Вернее, первые несколько метров пришлось собаку тащить. Она упиралась, а хвост прятала между задних лап. Наверно, опасалась, что Витькин приятель поволочет еще и за хвост. «Вот так», — как любят сейчас говорить. Витька был прав, а собака не права. Первый раз в жизни он столкнулся с тем, чтобы силком тащить кого-то к счастливому уделу. Хорошо, что бумажные занавески на окнах дома и не шелохнулись.

Но потом Жулька все-таки пошла за ними, а то и забегала вперед, натягивая веревку. Она, видать, наконец почувствовала, что обречена на долгую счастливую жизнь в неволе. В общем, доставили они ее благополучно к тому финскому дому. Поскольку они вышли на промысел рано, директор еще только завтракал.

Мамаша, завидев сына из окна, выскочила на крыльцо и закудала:

— И где тебя нелегкая носит спозаранку? Иди к столу!

Учитывая свою неocenимую помощь в собачьем деле, Витька втайне надеялся, что и его пригласят поесть. Его страсть как интересовало: что же едят по утрам директора хлебозаводов?.. Вслед за женой притопал сам хозяин, сверху похожий прической на ежа, а снизу ногами — на слона, и закричал:

— А это что за чудовище? — он явно намекал не на себя.

— Ты же сам сказал: найди собаку, — видать, привычно захныкал сын.

— Мало ли что я говорил. К делу не пришьешь! — ответил директор и исчез.

Вслед за ним исчез и сынок, его утащила мамаша. И Витька остался один на один с собакой. Теперь Жулька оказалась права, а не он. Не последний раз столкнулся он с тем, что те, кого тащат к счастью, теряют даже то, что имели.

Что делать? Назад отвести собаку было нельзя, его могут заметить. Отпустить? А вдруг не найдет дорогу обратно, они были на другом конце города. И тут у него блеснула, как любил восклицать д'Артаньян, спасительная мысль! А что, если спрятать Жульку в их тайном убежище на элеваторе? Он ей и попить даст, и поесть что-нибудь придумает. Поздно вечером отведет собаку обратно и где-нибудь возле Юркиного дома выпустит. Небось Жучка потом не проболтается.

Что и было сделано. Привел он собаку к элеватору, вскарабкался с ней в пещеру Гранитного дворца и там привязал ее к пруту арматуры.

Витька надеялся, что Юрка ни с того ни с сего, без уговора с ним, сюда не сунется. Такого за ними не водилось, чтобы приходить поодиночке.

Так сложилось, что днем они с Юркой не увиделись. Мать отослала его в пригородную деревню с лекарством для больной тетки. Удачно вышло.

Вечером Витька вновь полез на верхотуру элеватора. И только он пробрался в пещеру, как навстречу ему вспыхнул красным светом фонарик, следом заскулила собака. Бывали такие трофейные карманные фонари с набором светофильтров: красный, зеленый, желтый, синий. Сдвигаешь шпенек, и цвет меняется. У них с Юркой такого фонаря не было.

— Это ты, что ли, мне кабысдоха подсунул? — раздался в темноте чей-то взрослый мужской голос.

Витька обомлел, затем опустился наземь. В жизни он так не пугался. Вновь заскулила собака. Незнакомец легкими щелчками сменил на фонаре все цвета, выключил его и рассмеялся.

— Я видел утром, как ты сюда лез. Меня Никифором кличут, а тебя?

— Витя... Виктор, — пробормотал Витька, приходя в себя.

Так они познакомились.

— Собаками промышляешь? — поинтересовался невидимый Никифор.

— Вы что? — возмутился Витька. — Наоборот!

— Собаки — тобою? — вновь рассмеялся тот.

— Да ну вас. Просто я взял ее на время...

— Напрокат? — не унимался Никифор.

И так, под его шутки, слово за словом, Витька доверчиво рассказал историю с собакой. Тогда-то и услышал он от Никифора хорошенькое мнение о директоре хлебозавода.

У Витьки так и вертелось на языке спросить: «А вы что, здесь теперь поселились?» Люди в то время где только ни жили. В развалинах, в подвалах, в землянках... Но вместо этого он, осмелев, сказал:

— Что-то я вас раньше здесь не видел. Мы первые это местечко откопали.

— Откопали... — хмыкнул он, уйдя от ответа. — Вырыли, что ли?

— «Откопали» значит «нашли», — пояснил Витька.

— Грамотный, — похвалил Никифор.

— Угу, — в тон ему ответил Витька, — грамотный, умный, но еще не в шляпе.

— Вот и думай теперь, умный, как нам твоего хвостатого домой доставить?

— Запросто...

— Разбежался! Ты-то, где понадобится, можешь и задом наперед слезть. А собака все ноги ломает. Об этом ты подумал? Или она у тебя цирковая?

— Обычная, — смутился Витька, понимая, что Никифор прав.

— Ладно. Я ее в свой рюкзак засуну.

Витька услышал, как Никифор встал.

— А она не задохнется?

— Голову ей снаружи, на свободе, оставим. Мы уже с ней подружились, думаю, за шею она меня из рюкзака не тяпнет.

— Нет-нет, — поспешно сказал Витька, — она спокойная.

Короче, они благополучно спустились на улицу. Лишь собака иногда боязливо взлаивала. И только теперь под фонарем Витька рассмотрел Никифора. Он был коренастый, старый, лет сорока, лицо простое, русское. Одет в застиранное солдатское, но сапоги — хромовые, офицерские. Так многие тогда одевались, разве что обувь чаще всего была кирзовая.

Никифор вынул собаку из рюкзака, поставил на землю и дал Витьке конец веревки:

— Я тебя провожу. Мало ли что.

«Что я, маленький?» — подумал Витька, но промолчал. Шпаны везде хватало, да его как-то Бог пока миловал. А Никифор и впрямь пригодился, когда они еще не дошли до Юркиных владений.

За керосиновой лавкой, освещенной лампочкой под железной сеткой, они неожиданно столкнулись с самим Юркой. Собака стала прыгать вокруг него и ласкаться.

— Во! — неимоверно удивился он, глядя то на собаку, то на них с Никифором. — Приехал из Рогачевки, нигде ее нет. Обыскался! Где нашлась?

Тут-то и выступил красноречивый Никифор. Он с ходу поведал, что ее куда-то тащили зверобой, но они, мол, ее отстояли.

— Куда тащили? Зачем? — оторопел Юрка.

— На мыловаренный завод, — не моргнув глазом, ответил Никифор. — На мыло.

— И что же? — не сводил с него глаз Юрка.

— Откуда ни возьмись, — Никифор указал на Витьку, — появляется этот следопыт и кидается на них. «Верните! Верните, это Юркина!» — кричит он на всю улицу. Люди с перепугу разбежались, а одна бабка выпала из окна — с первого этажа — из любопытства. Затем появляюсь я и вступаю за него, иначе бы его разукрасили, как к Первому мая!

— Да ну вас! — рассмеялся Юрка и перехватил у Витьки веревку. —

Большое спасибо, что помогли. Она вообще-то не только моя, — признался он. — Она общая. Все во дворе переживают, никогда раньше не убегала.

— А зовут как? Друг твой говорит: Жулька. Но что-то не верится. Не похоже.

— Милка, — стесняясь, вымолвил Юрка. Даже Витька точно не знал, а теперь вспомнил. — Милкой ее зовут.

— Славное имя, — одобрил Никифор, — как у буренки. А больше, чем корову, у нас никого не любят.

Может, они и не совсем так говорили, но близко к тому. Пожалуй, еще добродушнее. Столько времени утекло, — вспоминает Виктор Иванович. С того вечера они зачастили к Никифору в гости на элеватор, безропотно отдав ему свою пещеру. Постепенно он стал как бы их советчиком в сложном взрослом мире, просто и знающе отвечая на любые вопросы. Жаль, они его ни разу не спросили: есть ли жизнь на Марсе? Без шутки. Интересно, что бы он ответил. Он знал обо всем и обо всех, причем как-то прозорливо, словно жил здесь когда-то давно и был вновь переброшен сюда из будущего Уэллсовой машиной времени. Ну это, конечно, преувеличение. Уменьшите затем, и будет что надо. Иногда необходимо прибавить, чтобы потом отнять лишнее.

Кого только не знал Никифор в городе!.. Ребятам с ним было интересно. Вероятно, и ему с ними было нескучно. А то и веселее, хотя бы потому, что он одинокий.

О себе он не рассказывал. Они порой даже полагали, что он сбежавший уголовник. Но какой из него уголовник, если он довольно образованный? Вообще-то в нем проскальзывали и армия, и тюрьма, но слишком уж расплывчато. Сейчас, в свои семьдесят лет, Виктор Иванович думает — но не уверен, нет, — что Никифор, возможно, был на фронте штрафником. Кто тогда только не сидел: и учителя, и врачи, и инженеры — теперь в газетах повсюду об этом. В военное время могли взять из заключения в штрафные части запросто. А кто проявит отвагу, а заодно уцелеет, с того судимость снимали. Но это лишь домыслы о Никифоре. Домыслы...

Странно, он вроде бы никогда не говорил о политике. Один только раз вскользь упомянул маршала Жукова.

— Не люблю его, — сказал. — Ему людей не жаль.

При Никифоре пещера Гранитного дворца приобрела вполне обжитой вид. Появились: топчанчик, накрытый разноцветным лоскутным одеялом, фанерный столик с керосиновой лампой, примус, пара табуреток. Не сразу, понятно, а за месяц, наверно. И что еще интересно: большая фотография пароходного иллюминатора — вид на море изнутри каюты. Никифор приклеил ее к стене у входа. Казалось, это и правда круглое окно в неведомый чудесный мир, с далеким парусником. А портрет Сталина, вырезанный из «Огонька», остался на противоположной стене.

Да-а, неплохо устроился Никифор, они ему завидовали.

Когда скрепя сердце они пойдут и скажут о том, что обнаружили в той пещере на элеваторе, — в милиции сразу всполошатся и срочно отправят с ними двух оперативников. Молодцы в погонах резво зашпешат, словно на пожар. А так ведь никого не дозовешься: недавно в соседнем бараке шпана избивала до смерти инвалида, позарилась на его перламутровый аккордеон. Напрасно всполошенные женщины бегали в отделение. От них лишь отмахивались: «У вас там вечно черт-те что творится!» А тут по волшебному слову бегом понеслись. Ребята еле поспевали за ними, будто не

они мильтонов вели, а наоборот. У элеватора друзья только укажут путь дальше и спрячутся в соседнем переулке.

...Никифор не всегда бывал разговорчивым. Умолкал иногда, не отвечал. Впадал в задумчивость, и там среди своих мыслей изредка улыбался чему-то и тихо курил свой «Беломор».

— На «Герцеговину Флор» не хватает, — подмигивал он.

Ребята — да и вся страна — знали эту, любимую Сталиным, марку табака.

Встречали ребята Никифора не только на элеваторе, но и случайно в других местах. Как-то столкнулись с ним утром на пляже за Чернавским мостом. Он загорал на песочке в одиночестве — странно, в будний день, — а у них-то были каникулы. Они, как всегда, постеснялись спросить, почему он не на работе. А кстати, на какой? И где?.. А может, он в отпуске. Или сутки где-то отдежурил, теперь двое суток отдыхает. Нет, неудобно спрашивать, да и ни к чему. Они не старые бабки и не детский киножурнал «Хочу все знать».

Ребята с Никифором наблюдали, как пожилой рыболов, заякорившись на плоскодонке на быстряке, таскал в проводку увесистых подлещиков, которых местные называли «лупачами». На быстряке, по-местному — «собачке», закручивалась воронками вода и бойко несла их длинной чередой по течению. Когда Витька вырастет и поседеет, он узнает, что тогдашний «лупач» не что иное как редкий сейчас знаменитый «рыбец». И их запросто ловили раньше штук по двадцать за утро, когда они заходили в их речку с Дона.

— Вон тот пенсионер, — показал Никифор на рыболова, — особенный, выдающийся человек. Недавно был санитарным врачом Ворошиловского района. — Он усмехнулся и восхищенно покрутил головой: — Ну, давал хапугам прикурить!..

И рассказал им примечательную историю. Однажды начальник рыбной базы попросил этого санврача списать две бочки якобы испорченной паюсной икры. Тот проверил: и правда пахнет — брр! Но на самом-то деле икра была гнилой только сверху. Санврач — мужик дошлый, сразу догадался, проверять не стал. И знаете, что учудил? Подмахнул акт списания и приказал прямо при нем сжечь обе бочки на пустыре. Представляете, какая была рожа у начальника базы, когда их облили керосином и подожгли!

Никифор захохотал, и ребята тоже засмеялись.

— А почему врач того начальника не разоблачил? — придиричиво сказал Юрка. — Тогда бы воруга в тюрьму сел, и хорошая икра сохранилась.

— Во-во! — вконец развеселился Никифор. — Другого бы жулика назначили, а икру все равно бы увели. Много способов!

— Ну и чего ж тогда врач добился? — усмехнулся Витька, поддержав Юрку.

— А того. Пусть знают, что не все вокруг говнюки. Глядишь, и впредь меньше мухлевать будут, поймут вдруг, что не перевелись еще честные люди! — Тут Никифор уныло вздохнул. — Но... недолго музыка играла. Вскоре и турнули санврача на пенсию. Неспроста. Думаете, у такого жулья покровителей нет?

— А врач что, не знал о покровителях?

— Наверняка знал. Зато хоть покуражился, полюбовался на огонь под икорными бочками. Красиво, — мечтательно произнес Никифор.

— Красиво, — согласились ребята.

— Икра под водку хороша, — неожиданно причмокнул Никифор. — А вы знаете, какая любимая песня у немецких военнопленных? Они здесь на каменоломне за городом работают и хором поют: «Водка, водка! Сэренький козлик!»

И смеющимся ребятам приятно было почувствовать свое превосходство над глупыми немцами, безалаберно переиначившими простое русское: «Вот как, вот как!»

Здесь же, на берегу, на Витьку с Юркой вскоре напала береговая незрелая шпана. Местным не понравилось, что те заметили, как они обчищают одежду купавшихся. К счастью, вездесущий Никифор возник вовремя. Безошибочно определив курившего в сторонке взрослого жожака, он так саданул его в челюсть, что тот неделю по пляжу зубы собирал. «Песочек просеивал», — как говорил остряк Юрка. Шпана с тех пор их не трогала и уважительно любопытничала, кто этот неожиданный защитник. «Старший братан», — небрежно бросил Витька. «Ведомо, не младший», — подхихикнули ему.

Друзья многое узнавали от Никифора. Почему вот в магазинах тогда полно было осетрины, икры и надоевших крабов? Да попросту Запад временно отказался закупать у нас после войны любые продукты, потому что в стране голодно. Ну и пришлось кинуть всю экспортную снедь на свой рынок.

Мало того, что Никифор был загадкой для Витьки с Юркой. Он отличался от других взрослых и тем, что никогда не ныл и ни на что не жаловался.

С того дня он нередко попадался им на пляже. И они заметили раз, что на руке у него нет следов от прививки оспы. У всех, кого они знали, были такие метки. А то и глубокие отметины — особенно у толстых женщин.

Спросили невзначай. Он ответил:

— Только у нас это завелось: руки людям портить. Некрасиво же. В Европе так не принято. Прививку от оспы делают с внутренней стороны бедра. И понимаешь, — он помолчал, — в войну немало разведчиков наших на такой ерунде сгорело. Быстро их немцы разоблачили. Пришлось у нас срочно в разведку прибалтов набирать. У них с такими прививками было как на Западе.

Тогда-то Витька и Юрка увидели у него те самые метки на внутренней стороне бедра. Ишь ты, как европеец. Возможно, в Прибалтике в детстве жил, но акцента нет. Может, бывший разведчик? Совсем не похож. Те, известно, молчаливы. И, конечно, не бездомные...

— А немецкие шпионы на чем-нибудь засыпались сразу? — спросил Витька, обидно ему стало за наших растяп.

— В начале войны — с ходу, — последовал насмешливый ответ. — Немцы делали наши документы — не отличишь, высший пилотаж!.. Да только скрепки у нас в паспортах и в военных билетах были ржавые, а они ставили — из нержавеющей стали.

Ах, как снова весело торжествовали они втроем, потешаясь над тупыми фрицами. Надо же, горели на своем немецком качестве!..

Они так никогда и не решились спросить Никифора, чем он занимается. А вот о его детской мечте спросили. Оказалось, мечтал он поступить в Московское цирковое училище. А затем вернуться в свой поселок в изумительном цирковом наряде, с золотыми блестками и пройтись на руках по главной улице под восхищенными взглядами всех жителей. И еще при этом непрерывно играть на скрипке!

— Ништяк, — одобрили друзья давнюю его мечту, что означало: годится.

— Постой, — спохватился Юрка, — ходить на руках и играть на скрипке невозможно!

— Поэтому у меня и не вышло, — невинно заметил Никифор. Вот смеху-то!

Они еще уважали Никифора за то, что он никогда не расспрашивал их, как они учатся и кем хотят стать.

Потом-то, через много лет, Виктор поймет, почему их с Юрием тянуло к нему. У них обоих не было отцов.

С ними никто так не разговаривал, как Никифор. Помнится, Юрка набрался храбрости и спросил:

— А в чем смысл жизни?

Никифор помедлил с ответом.

— Если я тебе скажу: смысл жизни в том, чтобы заслужить право жить вечно не телом, а духом, — ты ведь не поверишь. Образование наше слабовато, чтобы просечь главное. Да и вы пока настолько молодые, что и без того, наверно, считаете, что будете жить вечно. Никакой смысл жизни вам еще не нужен...

— А что же нам нужно? — Юрка не любил, когда его поучают. А кто любит?

— А нужно вам пока лишь одно — не высовываться. Умными быть и начитанными, ребята, опасно. Умный должен себя беречь, не выделяться и скрывать свои мысли. Вы читали Уэллса?

Еще бы, они не читали!

— У него есть рассказ о том, как один зрячий оказался среди всех слепых. Тяжко ему пришлось в их племени. Так и вы приспособьтесь жить. Многие и не виноваты, что от рождения глупые. Вы-то сможете притвориться ими, а они никак не могут такими, как вы, стать, — примерно так говорил он друзьям. — Вы вроде бы зрячие среди слепых. Может, и доживете до времени, когда без опаски глаза откроете. Быть тайно самими собой и сохранить себя для лучшего — вполне достойный смысл жизни. А насчет вечности... Помирать соберетесь — все мигом в голове прояснится, если она и впрямь умная.

Друзья, конечно, не все поняли, но им понравилось, что их посчитали особенными. Они и сами так втайне думали. А о том, что не нужно высовываться, и без того знали. Выделишься, упаси Бог, назначат старостой класса или к отстающим в учебе прикрепят: тащи их на буксире. И высказываться надо осторожно, о том же футболе хотя бы, на котором все «бабуины» помешаны. А жить настороже, как Никифор советует, вдвойне приятно.

Да уж, какие только проблемы они не решали с Никифором!.. Однажды опять заговорили о кротких, смирных и добрых, вроде того самого нищего, что сиднем сидел у строительного склада.

— А чего он там отирается? — заявил Юрка. — Вон в центре, у кино-театра «Пролетарий», куда больше подают!

— У нищих все места поделены, все территории. На чужую не суйся. Везде свои коды, — усмехнулся Никифор, — и свои правила.

— А он что, такой трус, что не может дурацкие правила нарушить?

— Какой же он трус? — возразил Никифор. — Он воевал, раненый был. Чего на рожон лезть?

— Значит, тоже не высовывается?

— Умный, — коротко сказал Никифор.

У себя дома, в Гранитном дворце, он нередко угощал ребят чудесным шипящим лимонадом, а то и американскими, обезьяньими, как говорили, сосисками, ловко вскрывая финкой консервные банки. Вспоминая потом этот нож, друзья будут утешать себя тем, что, возможно, он скрытый урка и не зря они его выдали.

Тот злосчастный день сильно запомнился Витьке. Они с Юркой шли утром к элеватору. Утро было светлое-светлое, какое бывает, наверно, только в детстве, легкое и теплое с набегаящей прохладой. Поодаль по улице за пыльными акациями пробегали праздничные красные трамваи.

Никифор только проснулся и готовил на примусе дивный по запаху кофе, желудевый с цикорием.

То ли раньше они не видели, то ли это было сделано перед их приходом, — на портрете Сталина на стене были... выколоты глаза. Чем-то острым вроде шила. А может, и ножом прокололи зрачки.

Ребята одновременно узрели это и с ужасом взглянули друг на друга. У них отцы погибли на фронте. Они не могли простить такое предательство Никифора.

Виктор навсегда запомнил серые до черноты нагромождения элеватора, а слева от него рассветно-солнечный угол улицы, который пересекают три фигуры. Две — по бокам Никифора. Последний раз видели его ребята, когда осмелились, наконец, выглянуть из переулка.

Друзья побрели домой. Нет, они не были кроткими. Но и злыми не были.